

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

DOI 10.31029/vestdnc72/3

УДК 93/94

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

(ОБЩИЙ ОБЗОР ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

М. С. Гаджиев, ORCID: 0000-0002-4592-0527

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье на основе информации позднеантичных авторов (Плиний Старший, Клавдий Птолемей, Страбон и др.) с ретроспективным привлечением данных раннесредневековых письменных источников и данных современной этнонимии Северного Кавказа представлена этническая карта региона периода поздней античности, которая характеризуется чрезвычайной пестротой. Упомянутые в нарративных источниках отдельные племена и их массивы сопоставляются с праабхазо-адыгским и прадагестано-нахским этническими массивами, которые активно взаимодействовали с сарматским (сармато-аланским) этнокультурным миром.

The ethnic map of the region of the Late Antiquity based on information of late classic authors (Plinius Maior, Claudius Ptolemaeus, Strabo, etc.) with retrospective attraction of the data of the Early Medieval written sources and modern ethnonymics of the North Caucasus, characterized by extreme diversity, is presented in the article. The mentioned in the narrative sources tribes and their massive groups are compared with Pra-Abkhaz-Adyg and Pra-Daghestani-Nakh ethnic communities who would actively interact with the Sarmatian (Sarmato-Alanian) ethno-cultural world.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Азиатская Сарматия, поздняя античность, этническая карта.

Keywords: North Caucasus, Asian Sarmatia, Sarmatia Asiatica, Late Antiquity, ethnic map.

Главный Кавказский хребет, разделяющий Кавказ на два физико-географических и этнокультурных региона – Южный и Северный, и в эпоху поздней античности воспринимался как рубеж между двумя этнокультурными мирами. К югу от него располагались древние кавказские государства (Колхида, Иберия, Албания, Армения), входившие в ареал переднеазиатских цивилизаций, к северу – простиралась Азиатская Сарматия (рис. 1), территория которой являлась составной частью зоны евразийских степей и развивалась под значительным влиянием кочевых племен. Западная граница Азиатской Сарматии, проходившая по реке Танаис (совр. р. Дон), выступала и границей между Европой и Азией (*Strabo*. XI.1.1,5; *Plin. Nat. Hist.* III.3; *Dionis. Per.* 14–22). Кавказ находился на периферии античного мира и испытывал влияние античной культуры и цивилизации, воздействие которых в разных областях региона существенно различалось – от огромного, в значительной степени определяющего культурно-историческое развитие, влияния на западе, и особенно, на Причерноморском побережье, до косвенного и слабо ощутимого – на востоке и, в особенности, на северо-востоке Кавказа.

По словам Страбона, Кавказ «возвышается над обоими морями – Понтийским и Каспийским, перегораживая как бы стеной разделяющий их перешеек. Гора отделяет с юга Албанию и Иберию, а с севера – сарматские равнины» (*Strabo*. XI.2.15). Некоторые более конкретные координаты кавказской границы Азиатской Сарматии (по представлениям античных географов и историков) приводит Клавдий Птолемей (рис. 2). Таковыми у него предстают устье реки Коракс (совр. р. Кодор) на границе с Колхидой, затем Сарматские ворота на границе с Иберией, идентифицируемые с Дарьяльским ущельем, и далее Ке-

---

равнские горы и устье реки Соана на границе с Албанией (*Ptolem. V.8.5–6,9, V.11.1*). Последние приоритетно отождествляются соответственно с северо-восточными отрогами Большого Кавказа и р. Сулак [1, с. 117–119; 2, с. 32–34], к северу от которой, по Птолемию (*Ptolem. V.8.6*), протекали реки Алонта (совр. р. Терек), Удон (совр. р. Кума) и Ра (совр. р. Волга).

Рис. 1. Tabula Asiae II – Sarmatia Asiatica по данным Клавдия Птолея немецкого картографа Себастьяна Мюнстера (Sebastian Münster) 1552 г. (Basel: Heinrich Petri)

Этническая карта Северного Кавказа (или кавказской части Азиатской Сарматии) I–III вв. н.э. реконструируется в определенной степени на основе данных античных авторов. Хотя ряд их сведений относится к более раннему времени – к последним векам до н.э., но, очевидно, что этнокарта предгорно-горной зоны региона не претерпела существенных изменений к первым векам н.э. При этом точная локализация и идентификация с современными народами и этническими группами упомянутых у античных писателей племен в большинстве случаев затруднена или даже невозможна. На этой территории они помещают, называя поименно, многочисленные (около сотни) племена, что отражает существовавшую пеструю полиэтническую картину, представленную, как ретроспективно считают исследователи, в основном тремя этноязыковыми группами – это праабхазо-адыгские, прадагестано-нахские и ираноязычные сармато-аланские племена. Это отражает и сложную языковую палитру региона, на что обращали внимание античные писатели. Страбон, описывая Диоскуриаду – старейшую древнегреческую колонию–

эмпорий на Черноморском побережье, являющуюся «общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей», сообщает, что «в этот город собирается до 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках...» (*Strabo. XI.2.16*). Ему вторит Плиний Старший, писавший, что «по словам Тимосфена (географ III в. до н.э. – М.Г.), туда сходилось 300 племен, говоривших на разных языках. ... Наши (т.е. римляне. – М.Г.) вели здесь свои дела при посредстве 130 толмачей» (*Plin. Nat. Hist. VI.15*). Касательно Восточного Кавказа (Кавказской Албании) Страбон также отмечает многоплеменность и многоязычие, замечая, что «языков у них 26, так что они не легко вступают в сношения друг с другом» (*Strabo. XI.4.6*).

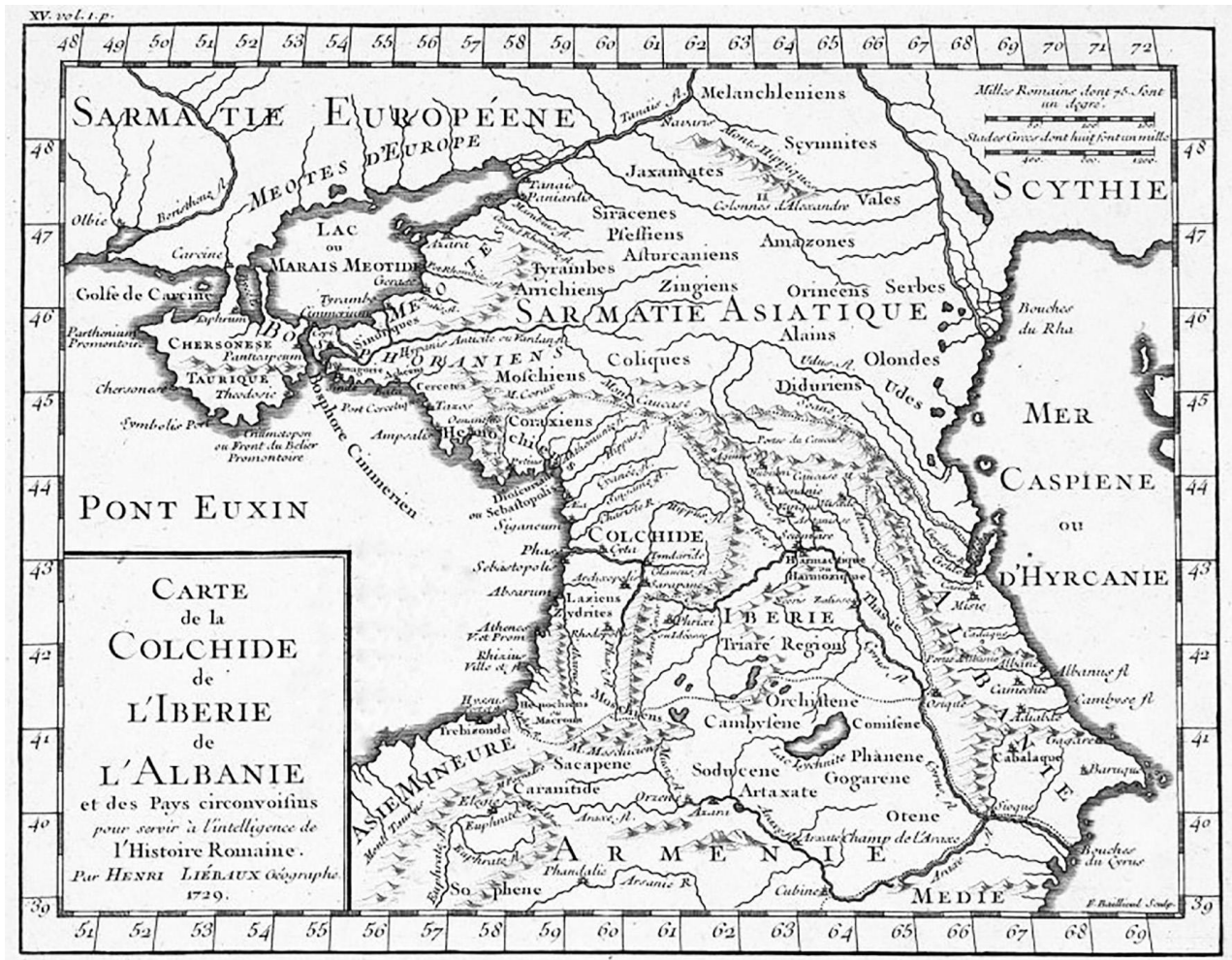

Рис. 2. Карта Кавказа по данным Клавдия Птолемея французского картографа Анри Лиебо (Henri Liebaux) 1729 г.

По данным Страбона, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея, Дионисия Периегета, Флавия Арриана, Руфия Феста Авиена, на Северо-Западном Кавказе обитало свыше 40 различных племен. Это: ахейцы, зиги (зихи), гениохи, марды, керкеты (керкети) и макропогоны («длиннобородые»), меоты (меотики), синды, дандарии, торбаты (тореты), агры, аррехи (арихи), тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски (досхи), серы (серреи), аспургиане, боспораны, апсилы, абасги (абаски), саниги (санники), галлисены, скизы, гниссы, невазы, коиты, кизики, мессенианы, костобоки, зекеты, тиндары, туссегеты, тирки, аримфеи, напры, псесии, temeоты, тирамбы, астуриканы, зинхи, конапсены, ме-

---

тибы, агориты (эпагерриты) (*Strabo*. XI.2.1, 11–14; *Dionis. Per.* 652–710; *Arrian. Peripl.* 15.27; *Avien. Descr.* 852–891; *Plin. Nat. Hist.* VI.14, 16, 19; *Ptolem.* V.18–20).

Под этими наименованиями скрываются, главным образом, местные кавказские племена, которые исследователи на основании исторических, лингвистических, топонимических, археологических данных обычно относят к кругу абхазо-адыгских. Названия некоторых из них, такие как, например, абасги, апсилы, керкеты, сопоставляются с современными этнонимами *абхаз*, *ансуа*, *абаза*, *абадзех*, *черкес*; этноним *зиги* (у Прокопия Кесарийского – *зихи*: *Procop. Bel. Pers.* II (II), 29; *Procop. Bel. Got.* IV (VIII).4.1–2) – с абхазским и грузинским наименованием адыгов (соответственно – *азыху* и *джики*) и т.д. [см., напр.: 3, с. 697–698; 4; 5; 6; 7, с. 18, 19, 34, 51; 8, с. 128–131, 151]. В некоторых из этих племен (синды, дандарии и др.) отдельные исследователи видят остатки древнего индоевропейского (индоиранского) населения [9; 10].

Вместе с тем некоторые их перечисленных этнонимов выступали не только как названия отдельных племен, но и их групп, т.е. носили собирательный характер. Так, по сообщению Плиния, племена гениохов различались многими названиями (*Plin. Nat. Hist.* VI.14). Он же вводит собирательные наименования – гениохийские и ахейские племена (*Plin. Nat. Hist.* VI.30). По Страбону, «к числу меотов принадлежат сами синды и дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и некоторые другие» (*Strabo. Hist.* XI.2.11). С другой стороны, в меотах одни исследователи видят не этнический, а скорее географический термин, обозначающий население, проживавшее на берегах Меотиды (Азовское море), другие – праадыгские племена, третьи – племена иранского происхождения, четвертые – индоевропейцев [краткий обзор см.: 11, с. 225]. Термин боспораны в приведенном перечне выступает не этнонимом, а политонимом, обозначая полиэтническое население Боспорского царства, в азиатской части которого проживали и греки, и местные западнокавказские и ираноязычные сарматские племена. Социальную, а не этническую, нагрузку, очевидно, имело и наименование аспургиане [12, с. 65–78].

В центральной части Северного Кавказа Плиний помещает камаков, оранов, автаков, мазамаков, кантиокаптов, агаматов, пиков, римосолов, акаскомарков, а в горной зоне Северного и Северо-Восточного Кавказа – племена эседонов («владения которых простираются до колхов»), икательов, имадохов, рамов, андаков, тидиев, каратасеев, автиандов, кавтадов, офаритов, агдеев, карнов, оскардеев, аккисов, габров, гегаров, имитиев, апартеев, найтов и инапеев, кантиков и сапеев (*Plin. Nat. Hist.* VI.21–22).

Клавдий Птолемей к этому списку добавляет племена суранов и саканов, обитавших между Гиппийскими (Ставропольская возвышенность) и Керавнскими горами (северо-восточные отроги Кавказа) (*Ptolem. Geogr.* V.8.20–22). Этническую принадлежность этих племен определить невозможно, но не будет большой ошибкой, если видеть в основной массе их различные северокавказские общности адыгского и дагестано-нахского происхождения (за исключением, очевидно, саканов, которых следует, вероятно, сопоставлять с сакасами Плиния (*Plin. Nat. Hist.* VI.29), локализуемыми в западной части Кавказской Албании). Например, андаков Плиния сопоставляют с андийцами (авар. *андал*, *анди*; самоназвание *гъваннал*) Дагестана [13, с. 149], аккисов – с субэтнической нахской группой аккинцев (самоназвание *аъккхий*) [14, с. 84], а наименование каратасеев можно сравнить с аварским наименованием каратинцев – *кIкIаралал* (самоназвание *кIкIурди*; андийск. *кIкIарадирал*) и их союза сельских обществ Карата (*Каралал*) в горном Дагестане.

Античные авторы знают на Северо-Восточном Кавказе значительно меньше племенных обозначений, чем на Северо-Западном Кавказе. Это обусловлено тем, что этногеография этой отдаленной части Кавказа, с которой имелись только опосредованные контакты, была знакома им в гораздо меньшей степени.

В предгорной и равнинной зонах Чечни и Ингушетии локализуются упомянутые Страбонем племена троглодитов («пещерники»), хамекетов, полифагов («многоеды») и исадигов, «которые еще в состоянии заниматься земледелием, так как живут не на самом севере» (*Strabo*. XI.5.7) [15, с. 71–72, 75; 16, с. 41–42; обзор мнений см.: 17, с. 93–98]. Некоторые исследователи обосновывают нахскую принадлежность этих племен, приводя определенные косвенные доводы и, например, сопоставляя этноним хамекеты с названиями селения Хамхи и крупного ингушского тайпа Хамхой [18, с. 55]. Хотя, например, существует и адыгская версия их локализации и идентификации, опирающаяся на топонимические параллели (топоним и гидроним ХъэмкIэтIгIй) [17, с. 94–95; 19, с. 264].

На Северо-Восточном Кавказе, «между амазонками и албанами», Страбон, как и позднее Плутарх (*Plut.* Ромр. XXXV), помещает гелов и легов и замечает, что «другие писатели, тоже прекрасно знакомые с этими местами (среди них Метродор Скепсийский и Гипсикрат), утверждают, однако, что амазонки живут в соседстве с гаргареями в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются Керавнийскими» (*Strabo*. XI.5.1). Одни исследователи склонны связывать этноним *лег* с древнелезгинскими племенами [20], другие – с лакцами (лаками) [13, с. 349], третьи, сопоставляя его с этнонимом *леки* грузинских источников, считают его общим для древнедагестанских племен [21, с. 37–56; 22, с. 13–16]. По всей видимости, этноним *лег* (вместе с этнонимом *гел*) античных авторов, покрывающий значительную территорию Северо-Восточного Кавказа, должен рассматриваться как собирательный (как и грузинский *леки*), в отличие от этнонима *лек* древнеармянских источников, в которых он фигурирует как обозначение конкретного племени Кавказской Албании.

Относительно страбоновых *гаргареев* давно бытует мнение, опирающееся на сопоставление этого этнонима с самоназванием ингушей *гIалгIай* и нахским соционимом *гаргар/гергар* – «близкий, соседний, родственник», что этот этноним обозначает нахскую племенную группу [15, с. 74; 18, с. 64–68; 23, с. 41–42; ср.: 24]. Однако следует отметить «историческую и лингвистическую неправомочность самоназвание ингушей *гIалгIай* возводить к *гаргара*» [25, с. 53–54, 69–70] и указать на то, что подобный термин для обозначения родственника, близкого, соседа представлен не только в нахских языках (чеченском, ингушском, бацбийском), но и в дагестанских (цахурском, рутульском, в ряде аваро-андо-цезских) [7, с. 152–153; 26, с. 62], а в высокогорном селении Сильди (Дагестан, Цумадинский район) имеется тухум со сходным названием *хъаркзарой* (а в Веденском районе ЧР одноименное село Хъаркзарой), в Южном Дагестане имеются тухумы, носящие имя *гаргарар* (гаргары). Следует учитывать и наличие в Кавказской Албании племени *гаргар* – близкородственного собственно албанам, язык которых лег в основу албанского алфавита [см.: 27, с. 49–58]. Но можно не сомневаться в том, что гаргареи являлись восточнокавказским (прадагестано-нахским) племенем.

К северу от границ Албании в горах проживали сильвы, дидуры и соды (*Plin.* Nat. Hist. VI.29), сопоставляемые соответственно с цахурами-йыхбами (?), дидойцами-цезами [28, с. 99] и с чеченским тейпом Садой [18, с. 59–62]. Рядом с дидурами в высокогорной зоне, «между горою Кавказом и Керавнскими горами», согласно Клавдию Птолемею,

обитали туски (*Ptolem. Geogr. V.8.22–25*), единодушно идентифицируемые исследователями с высокогорными тушинами. В этой же зоне им помещается племя санареев (*Ptolem. Geogr. V.8.25*), соотносимых с цанарами Армянской географии VII в. (Ашхарацуйц), «в земле которых находятся ворота Аланские» [29, с. 37; 30, с. 28]. Обычно в них видят нахскую общность, но было выдвинуто предложение и об индоарийском происхождении этого и ряда других этнонимов – *san-aria ‘старые арии’, *garg-aria ‘-арии’ [31, с. 238, 269], при котором, однако, не учитываются локализация их в высокогорной зоне, кавказский субстрат и возможное наличие суффикса множественности *-ar*, а не этнонима *ar(ya)*. Отметим также, что арм. *цанары* ближе отражает реальное звучание этого древнего этнонима, нежели греческое обозначение, в котором исходный начальный *ц-*, отсутствующий в греческом и латинском, заменен на *с-* (ср. также восточно-кавказский этноним арм. *чилбы*, но греч., лат. *сильвы*).

Ниже санареев, «между Керавнскими горами и рекою Ра» (т.е. между горной зоной Северо-Восточного Кавказа и Волгой), греческий географ помещает оринеев, валов и сербов (*Ptolem. Geogr. V.8.18–20*). Последние сопоставляются с засвидетельствованным в чеченском языке словом *саърби*, под которым понимаются непрошенные, нежелательные гости, с личным именем Серби, тайпом *саърбалуой*, топонимом Саърбала [18, с. 63–64].

Перечень горских северокавказских племен, приводимый античными авторами, дополняет список племен «Армянской географии» (Ашхарацуйц) Анания Ширакаци (VII в.), представляющей собой в определенной степени армянский перевод «Географического руководства» Клавдия Птолемея (II в. н.э.) [29, с. 37–38; 30, с. 28–29]. В этом списке (пространной и краткой редакций) представлены как уже знакомые по данным греко-латинских авторов горско-кавказские племена, так и ранее неизвестные, что отразило, с одной стороны, знания армянских интеллектуалов по этнокарте Кавказа, с другой – иную этнополитическую ситуацию VII в.

Среди первых это: апшеги/апшилы (греч., лат. апсилы), апхазы, авазы (греч., лат. абасги), сваны (греч., лат. соаны, суаны), двалы/дуалы (греч., лат. талы, валлы), мардуйлы/марголы (греч., лат. марды), куты (греч., лат. коиты), пурка/воспуры (греч., лат. аспургиане), цанары (греч., лат. санареи), туши/дуци (греч., лат. туски), дидои/дидоци (греч., лат. дидуры), леки (греч., лат. леги), чилбы (греч., лат. сильвы), хелы/хелай (греч., лат. гелы), каспы (греч., лат. каспии), пуики/пухи (греч., лат. пики).

Племена, населявшие Западный и Центральный Кавказ, у Ширакаци представляют также гарши (карши), агваны, аштигоры, хебуры, кутеты (кудеты), скюми, аргвелы (аргветы), такуйры (такоци, такры), дигоры, аргозы, дачаны, пинчи, цехой, цкекен (цекан), хужи (хуши), хоны, кисты/кусты, цхаваты, гудамакары, дурцки (дуичики). На Восточном Кавказе, включая северную часть Кавказской Албании, он помещает табатаранов, катапастианов, агутаканов, хеноков (хенуты, хенуки), шигпов (шилы, шибы), таваспаров, хечматаков, хсранов, ижмахов (ижмахи), пасхов (посхи, пусхи), пюконаков (пико-наки), баганов (баканы).

Некоторые из представленных этнонимов находят параллели у других древнеармянских авторов (главным образом, у Фавста Бузанда и Егишэ), которые также в ряде случаев дополняют данные «Армянской географии» по этнонимике Кавказа, главным образом, восточной его части. Так, Фавст Бузанд упоминает похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов, баласичев и егерсванов [32, с. 16], а Егишэ называет этнополитические области лбинов и чилбов, Ват, Гав, Глуар, Хрсан, hЕчматак, Пасх, Посх, Пюкуан, Таваспаран, Хибиован [33, с. 92, 117].

Среди перечисленных племен целый ряд соотносится или идентифицируется с современными народами и этнографическими группами Кавказа, с определенными этнотопонимами, гидронимами и т.д., в которых отложились древние племенные обозначения. Так, в ашдигорах, дигорах и дуалах/двалах исследователи давно видят этнографические группы осетин, хотя, конечно, необходимо иметь в виду, что, например, те же дигоры и дуалы раннего средневековья и современные дигорцы и туалы – это не тождественные этнические единицы.

Одна из групп племенных названий, зафиксированных в «Ашхарацуйц-е», может быть определена как нахская. Например, кисты (груз. *кисти*) и дурцки (груз. *дзурдзуки/ дзурзуки*, араб. *дурзуки*) давно рассматриваются как этнонимы, обозначающие группы предков ингушей, чеченцев и шире – нахов в целом [см., напр.: 7, с. 135–143 – там же обзор литературы]. (Сопоставление этнонима *кисты/кусты* с топонимами с компонентом *куст-и* в Кавказской Албании [7, с. 140, прим. 17] – досадная ошибка, т.к. он в данных случаях является административно-территориальным термином (ср.-перс. *kwsty* «сторона, провинция, область»). Этноним *цехой* имеет характерное нахское окончание; *хоны* могут сопоставляться с тушинским обозначением обитателей и территории в верховьях р. Чанты-Аргун – *Хона* [7, с. 128–130; 34, с. 5, 16–17; 35, с. 93–94], с названием чеченского тейпа Гуной; *насхи, пусхи/носхи* – с нахским этнонимическим термином *пешхой*. Наконец, этноним *пухи/похи* созвучен имени нахской этнической группы *пхо (пхий)* (от нах. *пхъа* ‘человек’) [см., напр.: 36, с. 272]; территория их расселения в Пшавском и Хевсурском ущельях именовалась Пхоети [37, с. 88], Пхоели [38, с. 100, 110]. Во времена Вахушти Багратиони топоним Пхоели еще сохранялся как название селений Пхоели (в Сигнахском уезде) и Шуа-п’хо (в Тионетском уезде), причем Шуа-п’хо значит «середина (страны) Пхо» [38, с. 110, прим. 364; см. также: 39, с. 27]. А современные ингуши и чеченцы термином *пхо* (мн.ч. *пхий*) обозначают хевсур. При этом заметим, что северокавказские (абхазо-адыгские и дагестано-нахские) племена населяли частично и южные склоны Большого Кавказа, зону Алазанской долины, на что не раз уже указывалось в литературе [см., напр.: 40, с. 294; 41, с. 46; 42, с. 20–27].

Среди этнонимов, фигурирующих у древнеармянских авторов, помимо рассмотренных (дидоци, леки, чилбы), многие помещаются большей частью в Южном Дагестане и Северо-Восточном Азербайджане [см., напр.: 43; 44, с. 27–38], но, пожалуй, только один имеет достаточно прозрачную идентификацию – это таваспары, населявшие Таваспаран и общепринято отождествляемые с современными табасаранцами.

Для реконструкции этногеографии Кавказа, и в том числе Северного Кавказа, позднеантичного времени имеют значение и данные раннесредневековых грузинских («Обращение Картли», Леонти Мровели, Джуаншер Джуаншериани), византийских и арабских источников, в которых также представлена (правда, в меньшей степени) этническая номенклатура региона, сопоставляемая со сведениями античных и древнеармянских авторов. При этом вновь подчеркнем, что этноязыковая, этнокультурная суть древних этнонимов и их параллельных, сходных форм в более поздних нарративных источниках и в современной этнонимике Кавказа не всегда является эквивалентной, учитывая, что в течение прошедших столетий происходили существенные этнические процессы (миксации, ассимиляции, консолидации, дивергенции, конвергенции, сепарации), подвергалась изменениям этноязыковая сущность носителей этих племенных названий и под воздействием этнического суперстрата мог принципиально измениться

облик субстрата, могли происходить смены этнических наименований и их переход с одного этнонима на другой.

С последних веков до н.э. значительную роль в этих этнических процессах стали играть ираноязычные сарматские племена, появившиеся на исторической арене Европы в III в. до н.э. и вступившие в тесные и разносторонние контакты с северокавказскими племенами. Включение античными географами Северного Кавказа в пределы Азиатской Сарматии отразило важную роль сарматов в экономической, политической, социальной, культурной, этнической жизни этого региона. Значение сарматов в их взаимосвязях, взаимоотношениях (в особенности, этнокультурных) с местным населением подчеркнуто в заявлении Страбона о племенах Северного Кавказа: «Большинство их – это сарматы, но все они кавказцы» (*Strabo. XI.2.16*).

Продвижение сарматов (сираков, аорсов и др.) на Северный Кавказ и утверждение в степях Предкавказья их политического господства обусловило начало процесса, получившего в литературе наименование «сарматизации», или сарматской аккультурации, выразившейся в появлении у местных племен многих черт культуры сарматов (вооружение, костюм, украшения, черты идеологии, обрядности, в том числе погребальной и т.д.) [см., напр.: 45, с. 123]. Впрочем, и местное население активно влияло на сарматские племена, особенно в сфере материальной культуры, что приводило к определенной нивелировке ее, широкому распространению ее форм, на что неоднократно указывали специалисты. Огромно было влияние местного оседлого населения на процесс седентаризации кочевников и становления и развития у них земледельческой культуры. На это указывают и археологические данные [см., напр.: 1, с. 88–89], и письменные источники. Например, Страбон, рассказывая о ведущих предкавказских сарматских племенах сираков и аорсов, пишет, что они «частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (*Strabo. XI.2.1*).

Предкавказье и Волго-Донское междуречье, обозначаемые у античных авторов по ведущим племенным объединениям как «сарматские равнины», «сиракские равнины», занимали различные кочевые ираноязычные (североиранские) племена. На этой территории античные авторы помещают, в частности, собственно сарматов, сираков и аорсов (нижнедонских и прикаспийских), «простирающихся на юг до Кавказских гор», а также сарматские племена набианов и панксанов (*Strabo. XI.2.1,11–12, XI.5.7*). Плиний сообщает, что сюда вторглись «скифские племена авхеты, атернеи, асампаты и истребили поголовно танаитов и инапеев» (*Plin. Nat. Hist. VI.20–22*). В северо-западном Прикаспии, «выше» (т.е. севернее) прибрежной области албан и удин, по данным Плиния Старшего, «простираются земли сарматов, утидорсов и пахареи (*Aroteres*)» (*Plin. Nat. Hist. VI.39*). В этой же зоне, у устья Каспия Плиний помещает талов (*Plin. Nat. Hist. VI.16*), этноним которых, вероятно, может сопоставляться с этнонимом более поздних двалов/туалов (см. выше). Согласно Птолемею, вдоль северо-западного побережья Каспия обитали уды, олонды, исонды и герры (*Ptol. Geogr. V.8.13*), имена которых сопоставляются с приводимыми им гидронимами Удон (совр. Кума), Алонта (совр. Терек), Соана (совр. Сулак) и Герр (*Ptol. Geogr. V.8.6, V.11.2,5*).

Птолемеевы исонды, по всей видимости, могут идентифицироваться с исседонами, продвинувшимися сюда из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (о локализации исседонов: [46, с. 30–37; 47, с. 139; см. также: 48, с. 66–82]), с локализуемыми в Предкавказье страбоновыми исадиками, «которые еще в состоянии заниматься земледелием»

(*Strabo*. XI.5.7) и, возможно, с «пахарями» Плиния. В этих обозначениях выделяется основа *ис-*, оформленная в разных случаях различными иранскими суффиксами. В этнониме олонды, на наш взгляд, следует видеть одно из ранних упоминаний алан, в котором термин оформлен характерным суффиксом множественного числа *-da/-ma*.

По Дионисию Периегету (II в. н.э.), на западном побережье, между скифами (т.е. сарматами), занимавшими Северный Прикаспий, и албанами, проживали тин(н)ы/ фин(н)ы и каспии (*Dionis. Per.* 730). В данном случае этноним каспии (как и герры у Птолемея) выступает собирательным, обозначая различные прикаспийские восточнокавказские племена, обитавшие севернее албан. В другом же этнониме, на что уже неоднократно указывалось специалистами [49, с. 445–447; 50, с. 86–87; 51, с. 128], вследствие неправильного чтения Οὔνοι вместо Θυνοι в издании К. Мюллера [52] многие исследователи ошибочно видели и видят уннов/ гуннов и, исходя из этого, строят выводы о появлении гуннов в Юго-Восточной Европе и Западном Прикаспии уже в середине II в. н.э. [53, с. 28, 47–48; 54, с. 12–13; 55, с. 9, 46]. В последнем переводе труда Дионисия эта неточность исправлена [56, с. 240, прим. 236].

Заметим, что у Присциана (втор. пол. V в. – нач. VI в.), в его латинском переводе Дионисия названы *тины* (Thyni), а не унны (*Priscian. Per.* v. 705). Апелляции же к комментариям Евстафия Солунского (Фессалоникийского) на сочинение Дионисия, где автор поясняет, что при написании этнонима унны (Οὔνοι) или тунны/тинны (Θυνοι) «нужно следовать тем, которые пишут «унны» без θ» (*Eustath. Ad Dionis. Perieg.* (417–419) 730), а также к «Сокращенной географии» Никифора Блеммида, где автор, повторяя данные Дионисия и следуя за поправкой Евстафия, пишет унны (Οὔνοι) (*Niceph. Geogr. Synopt.* 730), не оправданны по той причине, что оба они являются писателями значительно более позднего времени (XII–XIII вв.). Мы сознательно остановились на данном вопросе, так как за ошибочным суждением о присутствии гуннов в Западном Прикаспии уже с середины II в. н.э. следуют иные неверные мнения, как, например, вывод о вытеснении или ассимиляции прежнего кавказского и ираноязычного (сарматского) населения этой зоны [57, с. 156], признание гунно-тюркской доминанты в царстве маскутов [58, с. 12], раннего проникновения тюрков в Закавказье (Азербайджан) и др. Заметим также, что в настоящее время, согласно обоснованной точке зрения, язык гуннов считается изолированным и не находит родственников среди известных языков [59, с. 71–116].

Как на то обратил внимание А.А. Аюбян, списки племен, живущих на южном, западном и северном побережье Каспия, у Дионисия Периегета (с севера на юг – скифы, тин(н)ы, каспии, албаны, кадусии, марды, гирканы, тапиры) и у Страбона (с юга на север – тапиры, гирканы, амарды, анариаки, кадусии, албаны, каспии, утии, другие племена до скифов: *Strabo* XI.8.8) весьма близки и указывают на соответствующее заимствование этих данных греческим поэтом у известного географа [60, с. 39, 77, прим. 12, 203; факт использования Дионисием труда Страбона засвидетельствован почти дословной информацией об албанах у комментатора Периегета Евстафия Солунского (Фессалоникийского)]. В этих списках имеются два различия: первое – это отсутствие у Дионисия анариаков, обитавших у юго-западного края Каспия, и замена утиев (Ούτιοι) Северо-Западного Прикаспия на тин(н)ов. Это, с одной стороны, исключает чтение Οὔνοι, а с другой, позволяет ввести (с учетом данных Плиния об удилах (Udini) и утидорсах (Utidorasi) и Птолемея об удах (Οὔδαι) в этой зоне Прикаспия) конъектуру – исправить загадочных Θυν(v)οι (тинов) на известных Ούτιοι (утиев) или скорее *Οθυν(v)οι (утинов).

Вместе с тем, очевидно, не следует упомянутых утиев/ удов/ удинов Северо-Западного Прикаспия идентифицировать с закавказскими (албанскими) утиями/ отенами – жителями одноименной прикуринской области (арм. Утик) [см., напр., разные мнения: 60, с. 74–84; 61, с. 45–47; 62, с. 127–133; 63, с. 54–56]. Можно осторожно предполагать, что под северо-каспийскими утиями/ удами/ удидами скрывается какое-то финно-угорское племя (ср., напр.: *уд-мурт*, где компонент *-мурт* «человек») [64, с. 13–18], принимая во внимание контакты древних угро-финнов с сармато-аланским [65, с. 139–145; 66, с. 25–34] и северо-восточнокавказским [67, с. 135–140] обществами. В этой связи следует указать и на уже приводившееся сопоставление сарматского племенного обозначения *аорс* с мордвинским этнонимом *эрзя* [64, с. 15; 68, с. 133]. Также и в утидорсах Плиния, возможно, следует видеть сарматское [69, с. 44–45] или угро-сарматское объединение, а не смешанное кавказско-сарматское племя, включившее утиев/удин и аорсов и с которым связываются определенные погребальные памятники сарматского времени Прикаспийского Дагестана [70, с. 271–272; 71, с. 209–210].

В связи с этнонимом *аорс*, вероятно, находится и название нахской (ингушской) этнической группы орстхой/арстхой/арштхой/орштхой (карабулаки), в котором выделяется корень *орс-/арс-/арш-/орш-* (со стяжением начального дифтонга *ао-* в поздние диалектные *о-* и *а-*), оформленный иранским суффиксом множественности *-т(-та)* и нахским формантом *-хой*. Это сопоставление особенно интересно и продуктивно в связи с фольклорными данными о нарт-орстхойцах, которые соотносятся с современными орстхойцами и в которых одни исследователи видят древних сарматских кочевников, другие – древненахскую этническую группу [72, с. 107–114]. Не вдаваясь сейчас в подробное рассмотрение данного вопроса, отметим, однако, что данные нартского эпоса наглядно противопоставляют сильных и отважных, воинственных и хитрых орстхойцев собственно кавказцам, нахам, но в то же время они не всегда воспринимаются пришельцами и чужаками, нередко принимаются за своих и обитают не только на плоскости, но и в горах (например, в Осетии, в ущелье Саниба) [73, с. 24 и сл.; 74, с. 41, 110–112, 115, 197–199, 288–290 и сл.]. Как представляется, в фольклорных данных нашел отражение процесс разностороннего (прежде всего, этнополитического) взаимодействия аборигенного (субстратного) и пришлого (суперстратного) этнических компонентов, которые впоследствии в результате их миксации привели к сложению современных кавказских народов. В данном случае мы можем предполагать участие в этногенезе ираноязычных осетин и нахоязычных орстхойцев не только алан, но и аорсов.

Мы далеки от мысли в вышеприведенных случаях на основе, как думается, не случайных созвучий проводить прямолинейное этническое определение древних племен. Но эти этнонимические параллели и аналогии, как и фольклорные материалы, данные археологии, языкознания могут указывать (и на что исследователями многократно обращалось внимание) на происходившее не только политическое, экономическое, культурное, идеологическое, но и этническое взаимодействие различных по происхождению племен, а именно кавказских и сармато-аланских.

Наконец, отметим, что, очевидно, в Северо-Западном Прикаспии и восточной части Предкавказья следует локализовать упоминаемый Плинием Старшим, а за ним – Равенским Анонимом этнополитоним *patria Massagetarum*, помещаемый ими по соседству с Кавказской Албанией (*patria Albania*) (Plin. Nat. Hist. II.12; Raven. Anon. Cosm. II.12) и который, как представляется, может идентифицироваться с *Μαζακα ἡβρος* боспорской

эпитафии I в. до н.э. [75, с. 207] и более поздними маскутами раннесредневековых армянских авторов (подробнее см.: [76]).

Приведенный общий обзор этнической карты Северного Кавказа по данным письменных источников демонстрирует чрезвычайно пеструю картину, в которой представлены самые различные этнические образования – как отдельные племена, так и племенные общности, объединенные общими, собирательными этнонимическими наименованиями. Ретроспективное сопоставление этой карты позволяет видеть на этой территории те же две основные этнокультурные, этноязыковые общности, существовавшие и в более поздние периоды истории – северо-западно-кавказскую (праабхазо-адыгская) и северо-восточно-кавказскую (прадагестано-нахская), которые активно взаимодействовали в рассматриваемый период с сарматским, шире – сармато-аланским этнокультурным миром, что нашло отражение и в данных письменных источников, и в археологических материалах. Мы наблюдаем определенный этнический континуитет, длящийся на протяжении двух тысячелетий и который, очевидно, был свойствен и более ранним периодам истории Северного Кавказа, что находит отражение в существовавших археологических образованиях эпохи бронзы и раннего железного века. Несмотря на значительное внешнее этнокультурное влияние и определенные изменения, этот двусоставной северокавказский этнический массив в целом сохранил свою этноязыковую преемственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997. 154 с.
2. Гаджиев М.С. Кавказская Албания и Дагестан: историко-географический, этнополитический и этнокультурный аспекты // *Albania Caucasica*. Вып. I. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015. С. 28–40.
3. Марр Н.Я. История термина «абхаз» // Изв. Императорской Академии наук. 1912. № 11. С. 697–698.
4. Лаеров Л.И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. III. Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1954. С. 193–207.
5. Лаеров Л.И. Абазины // Кавказский этнографический сборник. Вып. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 5–47.
6. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми: Абгосиздат, 1960. 447 с.
7. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. 208 с.
8. Бетров Р.Ж. Этническая история адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1996. 248 с.
9. Трубачев О.Н. Некоторые данные об индоевропейском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Вестник древней истории (далее – ВДИ). 1978. № 4. С. 34–42.
10. Трубачев О.Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
11. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 224–251.
12. Сапрыкин С.Ю. Аспургiane // Советская археология. 1985. № 2. С. 65–78.
13. Народы Дагестана / отв. ред.: С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. 589 с.
14. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 670 с.
15. Крупинов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.

-
16. *Виноградов В.Б.* Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона (XI, V, 1–8) // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Сер. обществ. наук. 1975. № 4. С. 36–43.
  17. *Керефов Б.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 214 с.
  18. *Виноградов В.Б., Чокаев К.З.* Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. С. 42–88.
  19. *Лаеров Л.И.* Историко-этнографические мелочи // Сб. статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 264–272.
  20. *Ихиллов М.М.* Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967. 262 с.
  21. *Магомедов Р.М.* Проблемы происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии // Учен. зап. ДГУ. Махачкала, 1960. С. 37–56.
  22. *Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш.* К истории дагестанских этнонимов *лезг* и *лак* // Этнография имен. М.: Наука, 1971. С. 13–26.
  23. *Крупнов Е.И.* О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. 54 с.
  24. *Трубачев О.Н.* Этимологический словарь языковых реликтов Indoarica (в соавт. с А.К. Шапошниковым) // Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 220–288.
  25. *Дешериев Ю.Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. 556 с.
  26. *Климов Г.А., Халилов М.Ш.* Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. М., 2003. 511 с.
  27. *Гаджиев М.С.* Из истории создания кавказско-албанской письменности: некоторые спорные моменты // Вестн. ИИАЭ. 2005. № 2. С. 48–57.
  28. *Магомедов Д.М.* Исторические сведения о дидойцах // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1975. С. 99.
  29. Армянская география VII в. по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / текст и пер. с присовокуплением карт и объяснительных примеч. издал К.П. Патканов. СПб., 1877. 84 с.
  30. *Патканов К.П.* Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Март. С. 28–29.
  31. *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. 320 с.
  32. История Армении Фавстоса Бузанда / пер. с др.-арм. и коммент. *М.А. Геворгяна*; под ред. *С.Т. Еремяна*; вступ. ст. *Л.С. Хачикяна*. Ереван, 1953. 256 с.
  33. *Егише.* О Вардане и войне армянской / пер. с др.-арм. *И.А. Орбели*; примеч. *К.Н. Юзбашяна*. Ереван, 1971. 192 с.
  34. *Гумба Г.Д.* Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянской географии VII века») : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1988. 19 с.
  35. *Гумба Г.Д.* Кавказские хоны [гуны] по «Ашхарацуйцу» // Тр. Абхазского университета. Т. 5. Сухуми, 1987. С. 91–97.
  36. *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. II. Грозный, 1976. 289 с.
  37. История и восхваление венценосцев / пер. *К.С. Кекелидзе*. Тбилиси, 1954. 112 с.
  38. *Вахушти.* География Грузии / введ., пер. и примеч. *М.Г. Джанашивили* // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. XXIV, вып. 5. Тифлис, 1904. 294 с.
  39. Обращение Грузии / пер. с др.-груз. *Е.С. Такайшвили*; ред. обраб., иссл. и коммент. *М.С. Чхартишвили*. Тбилиси, 1989. 78 с.
  40. *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. 510 с.
  41. *Джавахишвили И.А.* Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ. 1939. № 4. С. 30–49.
-

42. *Гаджиев М.С.* Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования). Махачкала, 1998. С. 7–42.
43. *Ашурбейли С.Б.* Интерпретация этнонимов Азербайджана по “Ашхарацуйцу” («Армянской географии») VII в. // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 45–53.
44. *Семенов И.Г.* Восточнокавказские этнонимы в раннесредневековых армянских источниках // Восток. 2012. № 5. С. 27–38.
45. *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. 184 с.
46. *Мачинский Д.А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1971. Вып. 13. С. 30–54.
47. *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1975. 208 с.
48. *Лукашов А.В.* К вопросу о миграции прохоровских племен Южного Приуралья в Нижнее Поволжье // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 66–82.
49. *Maenchen-Helfen O.J.* The World of the Huns. Studies in their history and culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1973. 648 p.
50. Свод древнейших известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). Изд. 2-е, испр. М., 1994. 472 с.
51. *Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Болелов С.Б.* Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н.э. – IV в. н.э. // Российская археология. 2007. № 3. С. 121–132.
52. *Müller C.* Geographi graeci minores. Vol. II. Paris, 1882. 754 p.
53. *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 296 с.
54. *Джафаров Ю.Р.* Гунны и Азербайджан. Баку, 1985. 124 с.
55. *Гмыря Л.Б.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 288 с.
56. *Дионисий Александрийский (Периэзет).* Описание ойкумены / вступ. ст., пер. с др.-греч. и коммент. *Е.В. Илющечкиной* // ВДИ. 2006. № 2. С. 234–251.
57. *Гмыря Л.Б.* Гунны на Северном Кавказе // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 156–165.
58. *Гмыря Л.Б.* Образ мира в представлениях населения Прикаспийского Дагестана IV–VII вв. // Вестн. ИИАЭ ДНЦ РАН. 2006. № 4. С. 12–20.
59. *Дерфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1: Древнетюркские языки и литература. М., 1986. С. 71–134.
60. *Акопян А.А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987. 304 с.
61. *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959. 392 с.
62. *Алиев К.Г.* Кавказская Албания (I в. до н.э. – I в. н.э.). Баку, 1974. 363 с.
63. *Алиев К.Г.* Античная Кавказская Албания. Баку, 1992. 238 с.
64. *Кобычев В.П.* Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе // Кавказский этнографический сборник. IX: Вопросы исторической географии. М., 1989. С. 10–37.
65. *Йоки А.Й.* Осетинский язык и финно-угроведение // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977. С. 139–145.
66. *Магомедов А.Х.* Взаимодействие культур иранских (скифов, сарматов и алан) и финно-угорских народов // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Ordjоникидзе, 1981. С. 25–34.

67. *Васильев В.И., Сергеев Г.А.* Следы пребывания угров и самодийцев на территории Дагестана (историческая этнография и ономастика) // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debregen, 1990. С. 135–140.*

68. *Мацулевич Л.А.* Аланская проблема и этногенез Средней Азии // *Советская этнография. 1947. Т. VI–VII. С. 125–147.*

69. *Давудов О.М.* Об этнокультурной характеристике памятников Прикаспийского Дагестана // *Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987. С. 36–52.*

70. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. // *Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 23. С. 226–272.*

71. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // *Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала, 1961. С. 167–219.*

72. *Мужухоева Э.Д., Мужухоев М.Б.* Нарт-орстхойский эпос и вайнахи-плоскостники // *Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С. 107–114.*

73. *Мальсагов А.О.* Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970. 178 с.

74. *Далгат У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. 468 с.

75. *Яйленко В.П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // *Женщина в античном мире : сб. ст. М., 1995. С. 204–272.*

76. *Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С.* Страна маскутов в Западном Прикаспии: Курганые могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: МавраевЪ, 2015. 451 с.

*Поступила в редакцию 10.01.2019 г.
Принята к печати 26.03.2019 г.*